

Марина Ветрова

И измена мужа.

*Ты сделал меня злодейкой
в книге любовницы!*

Марина Ветрова

**Измена мужа. Ты сделал меня
злодейкой в книге любовницы!**

«Автор»

2026

Ветрова М.

Измена мужа. Ты сделал меня злодейкой в книге любовницы! /
М. Ветрова — «Автор», 2026

Двадцать лет я редактировала тексты мужа, растила наших детей и верила, что мы одна семья. А потом нашла рукопись его любовницы. Главная злодейка романа — я. Мои привычки, мои слёзы, наши семейные ссоры. Всё превращено в бестселлер! — Анна, ты всего лишь материал для настоящей литературы! Виктор продал писательнице мои дневники, украл творческие идеи и спрятал семейные деньги за фиктивными гонорарами. А теперь хочет оставить меня без дома, детей и профессии. Но он забыл: я профессиональный редактор. С помощью детектива Дмитрия я найду каждую украденную строку и каждую поддельную сделку. И напишу предателю такой финал, которого он не ожидал!

© Ветрова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Марина Ветрова

Измена мужа. Ты сделал меня злодейкой в книге любовницы!

Глава 1

Над Невским темнело. Пробка не двигалась, и я уже в третий раз проверяла время: Виктор терпеть не мог, когда я опаздывала на его лекции. Я смотрела на свои руки, сжимающие руль. Ногти коротко подстрижены, кожа сухая от осеннего ветра. В вечернем клубе «Аркадия» мне оставляли место у сцены. Там я могла хотя бы на час забыть корректуру, счета и чужие опечатки. Анна Верещагина, редактор. Жена Виктора, которого сегодня опять будут цитировать.

Телефон вибрировал в кармане куртки. Третий раз за десять минут. Это Лиза. Шестнадцать лет, бунт против мира и против меня лично. Ей нужно, чтобы я объяснила, почему отец опять не придет к ней на концерт, хотя обещал неделю назад. Она ждала его в первом ряду, а он опять выбрал чужие аплодисменты.

Я посмотрела на экран. Сообщение: «Мам, ты где? Он снова соврал?»

Я начала набирать «папа занят» и стерла. Опять мне оправдывать его. Оставив машину у клуба, я пошла ко входу. Высокие арки, светящиеся вывески, толпа людей в дорогих пальто, которые смеются так, будто жизнь — это легкая игра. Если я сейчас отвечу Лизе, я потеряю фокус. А сегодня Виктор читает лекцию о верности авторскому замыслу. Его голос должен звучать идеально. И я должна быть рядом, чтобы он чувствовал мою поддержку. Мою преданность.

Выключив звук, я сунула телефон поглубже в карман. Ответить потом. Обязательно, не как в прошлый раз. Виктор стоял у входа и поправлял шарф перед стеклянной дверью. Он заметил меня в отражении, повернулся — и я опять забыла готовую сердитую фразу. Удивительное умение у этого мужчины: появиться, улыбнуться и сделать так, чтобы весь день, прожитый без него, казался недоразумением.

В лектории было жарко, хотя от дверей тянуло. Я сняла пальто и положила рядом с сумкой. Во втором ряду оставили место сбоку: оттуда я видела Виктора, а ему было легко найти меня глазами. Наверху загорелись софиты. Пришлось прищуриться, прежде чем читать надпись на афише за микрофоном. «Верность авторскому замыслу». Ещё один вечер, когда верность надо понимать только как литературный термин.

Елена сидела через ряд от меня, справа от прохода. Пока Виктор говорил, она разглядывала мою сумку, потом подняла взгляд к лицу. Я проверила, не прилипла ли к рукаву белая нитка. Ничего. Улыбнулась ей — на знакомую писательницу нельзя же смотреть с вопросом «что тебе надо?». Она не ответила, лишь наклонила голову. И я почему-то поправила очки, будто пришла на прием и от меня ждут, что я сейчас сниму одежду.

«Она хочет написать обо мне», — мелькнула мысль. Глупая, тщеславная. Но приятная. Быть музой, даже косвенной, лучше, чем быть статистом. Я задержала улыбку, которую она так и не вернула. Потом отвернулась к сцене: Виктор уже держал микрофон, и мне хотелось услышать начало.

Виктор продолжил читать. Его голос заполнил зал, бархатный и глубокий. Он говорил о том, что настоящий писатель никогда не изменяет своему внутреннему голосу. Что верность замыслу важнее любви к персонажу.

— Есть женщины, — произнес он, и пауза повисла в воздухе такой густой, что можно было резать ножом, — которые становятся не просто героями, а фундаментом. Они молчат, они терпят, они дают силу тем, кто говорит. Муза не имеет права голоса. Муза имеет право быть услышанной через другого.

Он сказал «через другого» и чуть смягчил голос. Так он говорил со мной, когда просил прочесть черновик ночью: Анечка, больше некому. Я сидела и краснела. Конечно, он обо мне. Кому ещё он показывал статьи до публикации, кто оставлял ему ужин на плите? Чуть позже стыдно будет вспомнить, как я радовалась этим словам. Сейчас я повернула обручальное кольцо камнем вверх и хотела, чтобы он посмотрел именно сюда.

Лекция закончилась овациями. Люди вставали, хлопали, кричали «Браво!». Виктор кланялся, сияя улыбкой победителя. Я тоже аплодировала, хлопая ладонями до боли, желая, чтобы этот момент длился вечно. Чтобы эта иллюзия целостности не треснула.

Антракт. Толпа двинулась к буфету, к курительной зоне, к VIP-ложе, откуда открывался вид на весь зал. Мне нужно было умыться, смыть с лица румянец гордости. Я направилась к дамской комнате, проходя мимо ложи. Дверь была приоткрыта.

На столе лежала его сумка. Открытая. Рядом с ней — недопитая чашка эспresso Елены. Она всё ещё была здесь, разговаривала с кем-то в углу, но кофе оставила забытым. Рядом с чашкой лежал старый блокнот. Кожаная обложка, потертая, знакомая. Тот самый, который Виктор всегда носил в кармане пальто. Тот, где он делал пометки для своих статей.

Инстинкт подсказывал: не трогай. Это частное. Это границы, которые я сама установила годами. Но профессиональный рефлекс редактора дернул за ниточки внутри головы. Проверить источник. Он только что цитировал какую-то фразу про «музу без права голоса». Где он это взял? Может, это ссылка на классиков? Или на новый роман Елены, который он анонсировал?

Я оглянулась. Коридор был полон людей, но никто не смотрел в мою сторону. Виктор стоял спиной к ложе, окруженный поклонниками. Елена смеялась громко, запрокинув голову.

Шаг. Два шага. Я оказалась у стола. Пальцы сами потянулись к блокноту. Обложка была прохладной; под ногтем зацепилась потертая кромка. Я открыла его. Бумага была плотной, дорогой. Почерк Виктора — угловатый, нервный, узнаваемый.

Страница за страницей. Черновики статей. Список книг к прочтению. Сухие факты. И вдруг — последняя страница. Дата в углу. Сегодняшнее число. Нет. Я прищурилась. Число было переписано поверх старого. Оно указывало на завтра.

Заголовок главы: «Двойная запись в дневнике. Часть 4. Развязка».

Я начала читать. Текст шел от первого лица. От имени героини, которая явно списана с Елены.

«Виктор снова звонил. Он сказал, что Анна стала невыносимой. Скучная музейная экспонатка, которая стоит на пути развития сюжета. Она душит его своим спокойствием, своей предсказуемой любовью. Ему нужен хаос. Ему нужна правда. Завтра я скажу ей всё. Прямо в лицо. Пусть она увидит, что её брак — это всего лишь черновик, который я перепишу начисто».

Слова плыли перед глазами. «Музейная экспонатка». «Черновик». «Перепишу начисто».

Я перечитала абзац. Трижды. Четвертый раз. Пятый. Искала ошибку. Опечатку. Фальшивую дату. Может, это шутка? Может, это фрагмент нового романа, и имена случайны? Но почерк был его. Железный, уверенный. Таким он подписывал наши совместные фотоальбомы.

Живот свело судорогой. Воздуха стало мало. Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица, оставляя холодную пустоту в голове. Это не материал для книги. Это план действий. Это измена, замаскированная под творческий процесс. Он обсуждал наш развод не со мной. Он обсуждал его с другой женщиной. И эта другая женщина писала об этом книгу. Книгу, в которой я буду злодейкой. Скучной. Ненужной. Лишней.

Не сразу получилось оторвать взгляд от страницы. В углу ложи кто-то смеялся, звякнула чашка, а я считала строчки до конца абзаца. Восемь. Всего восемь строчек, чтобы двадцать лет оказались чужим черновиком. Большой палец заломил угол бумаги. Я попыталась расправить его и только сильнее смяла: почему-то именно этот угол сейчас требовалось спасти.

— Анна?

Голос Виктора прозвучал за спиной. Спокойно. Почти ласково.

Я обернулась. Он стоял в дверном проеме ложи. Лицо было непроницаемым, но глаза... Глаза были опасными. Как у зверя, которого потревожили во время еды.

— Ты чего здесь стоишь? — спросил он, подходя ближе. Его шаги были бесшумными.

— Это... это твои заметки? — мой голос сорвался, хриплый, чужой. — Там дата... там про Елену... про нас...

Виктор не остановился. Он подошел вплотную, вырвал блокнот из моих рук одним резким движением. Так быстро, что я не успела среагировать.

Глава 2

— Рабочие заметки, — бросил он холодно, засовывая тетрадь в свой внутренний карман. — Ты не поймешь контекст. Это метафоры. Литературные приемы.

— Но там написано... — я попыталась возразить, указывая пальцем на его грудь, где скрылась тетрадь. — Там написано «скучная музейная экспонатка». Это про меня. Это про тебя и Елену. Это про развод.

Его лицо исказилось. Не от стыда. От раздражения. От того, что я прочла лишнее. Он схватил меня за плечи. Крепко. Слишком крепко. Пальцы впились в ткань моего жакета, давя на ключицы. Боль прошла электрическим разрядом вниз по рукам.

— Не устраивай сцену, Анна, — прошептал он мне в ухо, и его дыхание пахло мятными конфетами. — Мы на людях. Ты портишь вечер. Ты портишь мою работу.

— Это не работа! — выдохнула я, пытаюсь вырваться, но его хватка была стальной. — Ты пишешь о нас с другой женщиной! Ты планируешь оставить меня!

Виктор усмехнулся. Коротко, сухо. Он ослабил хватку, но не отпустил, продолжая держать меня, как заложницу.

— Ты истеришь, — сказал он спокойно, глядя прямо в мои глаза. — Ты всегда так делаешь. Тебе не хватает глубины, чтобы понять искусство. Тебе нужны драмы. Извини, но твой уровень понимания не позволяет тебе видеть картину целиком.

Я уже открыла рот, чтобы объяснить: я редактор, я умею читать контекст. И закрыла. Сейчас опять придется сдавать экзамен на право понимать собственную жизнь. Он держал меня за плечи, а я должна была доказать, что эти пальцы существуют, что мне больно и что слово «Анна» в его блокноте обозначает меня. Я посмотрела на его руку. На кольцо застряла нитка моего жакета.

И тогда я услышала смех. Легкий, циничный, знакомый.

Елена подошла к нам. Она держала бокал шампанского, который, казалось, никогда не кончался. Она неторопливо опустила ресницы, разглядывая его пальцы на моих плечах. Она посмотрела на Виктора, потом на меня. На мои покрасневшие глаза, на дрожащие руки.

— Виктор всегда говорил, что ты слишком чувствительна к деталям, Анна, — произнесла Елена, и в её голосе не было ни капли жалости. Только удовлетворение наблюдателя. — Но детали важны, правда? Без них сюжет рассыпается.

Она сделала глоток шампанского, оставив след помады на стекле. След был красным, как кровь.

— Детали важны, — повторила она, глядя мне прямо в душу. — И ты одна из самых скучных деталей в этой истории.

Мир окончательно рассыпался. Виктор отпустил мои плечи, поправил воротник рубашки, словно ничего не произошло. Он повернулся к Елене, и на его лице появилась улыбка — теплая, любящая, адресованная не мне.

— Пойдем, Лена, — сказал он. — Нам нужно обсудить финал.

Елена первой повернулась к залу. Виктор придержал ей дверь, пропустил вперед и ушел следом, даже не взяв своё пальто. Моё осталось на кресле. Чтобы уйти, нужно вернуться туда, на глазах у всех собрать вещи. Я разжала пальцы, в которых ещё будто лежал блокнот. Пусто. А на плече уже были места его хватки. Ничего, пальто надену сама. И домой сегодня поеду без него.

Я вспомнила дату в блокноте. Завтра.

Завтра они планируют объявить о разводе. Завтра Елена напишет последний абзац. Завтра мое унижение получит название главы.

Но они забыли одну деталь. Они забыли, кто я такая. Я не персонаж. Я редактор. И я знаю, как править чужие тексты. Особенно те, которые построены на лжи.

Я достала телефон. Экран был черный, отражая моё искаженное лицо. Я разблокировала экран. Сообщение от Лизы всё ещё висело сверху: «Мам, ты где? Он снова соврал?»

Перед глазами снова встала дата из блокнота. Завтра. А сегодня я всё ещё была женой человека, который уже написал мой некролог.

После лекции нас позвали на закрытый ужин клуба «Литературный Петербург». Зал пах дорогим парфюмом, красным вином и застарелой пылью от переплетов. Это был мой мир на протяжении последних десяти лет: закрытая тусовка интеллектуалов, где каждый второй считал себя гением, а каждый первый — жертвой непонимания. Я сидела за длинным столом из темного дуба, чувствуя, как холодные дощечки впитывают влагу моих ладоней. Блокнот Виктор держал при себе. Я смотрела на оттопыренный карман его пиджака: не приснилась мне та страница, он действительно вырвал её из моих рук.

Виктор придвинулся ближе. Его колено коснулось моего бедра под столом — жест собственности, привычка, которая раньше успокаивала, а теперь вызывала тошноту. Он склонился к моему уху, его дыхание было теплым и липким.

— Ты сегодня бледная, Анна. Не порти мне вечер. Улыбнись.

Я медленно отстранилась, поправляя салфетку на коленях. Пальцы дрожали, но лицо сохраняло профессиональную маску редактора, который видит опечатку, но молчит ради сохранения авторского эго. Я вдохнула воздух, пропитанный его запахом — сандалом и горьким чаем. Тем самым, который я чувствовала возле блокнота в ложе, когда он вырвал его из моих рук. Теперь этот запах ощущался не как защита, а как клетка. Клетка, из которой нужно выбраться, не издавая ни звука.

Напротив нас восседала Елена. Она держала бокал так, будто это была награда Оскар. Ее голос лился мягко, бархатно, заполняя пространство зала.

— Знаете, литература — это не создание миров, а вскрытие архивов. Любовь... она похожа на чернила, которые въедаются в память. Чем глубже рана, тем четче текст.

Гости кивали, восхищаясь ее «глубиной». А я замерла. Я перестала вертеть бокал. Любовь как архив. Память как чернила. Вот эти слова я помнила. Они звучали только в нашей спальне, только от Виктора, только когда он говорил о том, как больно ему быть «понятым» мной. Я смотрела на него украдкой. Виктор поймал мой взгляд и одарил Елену улыбкой гордого автора, чья муза наконец-то расцвела. Я поправляла ему эту фразу ночью, лежа рядом. Советовать «чернила» вместо «краски» было моей глупой гордостью: придумала точнее. Теперь слушала своё слово изо рта Елены и никак не могла поставить бокал ровно.

Модератор вечера, лысый мужчина в очках, повернулся ко мне.

— Анна, ты же профессиональный редактор. Как оценишь структуру нового романа Елены? Мы все ждем экспертного мнения.

Все взгляды скрестились на мне. Модератор подался ко мне. Ему нужна была короткая похвала, чтобы перейти к следующему вопросу. Я уже знала удобную фразу, но произнести её не могла. Если я скажу правду, меня обвинят в зависти. Если солгу — стану частью их игры.

— Структура крепкая, — произнесла я сухо, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Но персонажи кажутся... собранными из чужих осколков. Фрагментарность маскируется под глубину, но читатель чувствует фальшь.

Зал замолчал. Тишина стала оглушающей. Виктор резко дернулся, его челюсть напряглась. Сосед модератора убрал руку с бокала и посмотрел на Виктора. Я знала это ожидание: сейчас должна добавить «но это только моё мнение». Дать всем удобный выход. Вместо этого прижала салфетку к коленям и дождалась следующей реплики.

После этого комментария Елена подошла ко мне. Она шла уверенно, стуча каблуками по паркету. В руке она несла бокал с белым вином. Положив руку мне на плечо, она наклонилась, и ее губы почти коснулись моего уха. Пахло мятой и дорогими сигарами.

— Иногда тишина громче крика, правда? Особенно когда знаешь, что скажут потом.

Я застыла. Ледяной ужас сковал мышцы. Эта фраза. Три дня назад Виктор сказал почти то же, когда я спросила, почему он все чаще ночует не дома. «Ты просто боишься тишины, Анечка. А я знаю, что ты скажешь потом». Откуда она знает? Она посмотрела мне прямо в глаза, и в ее зрачках плясали бесенята триумфа. Значит, он пересказал ей и эту ссору. Мои слова я ещё помню; чужими они стали только сейчас. Я сжала пальцы в кулаки под столом, чувствуя, как ногти впиваются в ладони до боли. Боль была единственным, что возвращало меня в реальность.

Глава 3

Виктор вмешался мгновенно. Он забрал бокал у Елены и поставил его обратно на стол, блокируя наш физический контакт. Его лицо исказилось от раздражения.

— Хватит устраивать сцены, Анна. Ты ревнуешь к успеху, потому что сама пишешь только служебные записки и правки для других. Тебе не хватает внимания, вот и выливаешь его в критику.

Он использовал мою профессиональную неуверенность против меня. Старый трюк. Раньше я бы перечисляла свои книги и авторов, доказывая, что умею работать. Сейчас это означало бы просить Виктора снова оценить меня. Но сейчас я посмотрела ему прямо в глаза. Впервые за долгое время я не отвела взор. Я смотрела на него, пока он держал ладонь возле оставленного бокала Елены. На мои пальцы не смотрела: выдадут.

— Ты прав, Витя. Может, я и правда завижую.

Я кивнула, соглашаясь с его версией реальности. Я разгладила салфетку. До конца ужина сумею помолчать. Пусть он думает, что сломал меня. Пусть расслабится. Жертвы безопаснее охотников.

Мы выходили из зала. Толпа гостей шумела, обсуждая выступление Елены. Я шла чуть позади Виктора, чувствуя себя призраком в собственном доме. И тут я увидела Лизу. Моя дочь, шестнадцатилетняя бунтарка, сидела на подоконнике в коридоре, уткнувшись в телефон. После концерта она приехала за мной: я обещала забрать ее, но так и не ответила на сообщение.

Елена прошла мимо меня к гардеробу, и Виктор обнял ее за талию. Привычно, без той неловкости, с которой прикасаются к чужому человеку. Это было видно всем, кто смотрел в ту сторону.

Лиза подняла голову. Ее глаза встретились с моими. В них не было удивления. Там был вопрос, полный отвращения и взрослой, преждевременной боли.

— Мама, ты видела?

Я не могла ответить вслух. Горло перехватило спазм. Я лишь слегка кивнула, признавая факт предательства перед своим ребенком. Внутри всё рушилось, фундамент семьи крошился в пыль, но снаружи я сохранила каменное спокойствие. Дети больше не были свидетелями распада. Они стали зрителями театрального представления, где они — статисты в чужой драме.

Я вышла в коридор, ведущий к гардеробу, пытаюсь собраться с духом. Воздух здесь был свежее, но от этого не легче. Я остановилась у зеркала, проверяя, не потекла ли тушь.

— Вы уверены, что хотите знать, кто платил за эту презентацию?

Голос был низким, бархатным, с легким хрипком. Я обернулась. Дмитрий. Мой бывший однокурсник, частный детектив, прежде работавший следователем по экономическим делам. Он стоял в тени колонны, держа в руках тонкую папку с документами. На нем был простой серый свитер, никаких галстуков, никакого показного блеска. Только глаза — внимательные, цепкие, видящие суть сквозь фасад.

Я не ожидала увидеть его здесь. Книжный клуб — не его территория.

— Дмитрий? Что вы...

— Я случайно услышал разговоры в VIP-ложе, — он шагнул ближе, понижая голос. — Договор на экранизацию книги Елены. Прямой контракт с крупным продюсерским центром. Условия включают «эксклюзивное право на использование личных историй участников процесса».

Он протянул мне копию документа. Я взяла его дрожащими пальцами. Дата подписания — завтра. А в графе «автор идеи», мелким шрифтом, значилось моё имя. Анна Верещагина.

Мир качнулся. Я читала имя в договоре, а не слова о любви. Чужая сделка носила мою фамилию. Виктор не просто изменял мне с Еленой. Он продавал меня. Мою жизнь, мои эмо-

ции, нашу интимность — всё стало валютой для их бизнес-партнерства. Они собирались запустить её в печать, пока я ещё дышала.

— Зачем вам это? — спросила я, поднимая взгляд на Дмитрия.

Он посмотрел на меня внимательно, и в его взгляде мелькнуло что-то опасное, притягательное. Не жалость. Интерес.

— Потому что фальшивые документы имеют свойство всплывать. А настоящие доказательства требуют правильного читателя.

Я сложила копию и убрала в сумку. Завтра. Теперь это слово стояло и под моим именем — на документе, который я впервые видела.

В кабинете Виктора я сначала встала спиной к двери. Что, если вернётся? Что я скажу — ищу карандаш? Он ведь сегодня утром накрыл меня одеялом, когда я лежала без сна. Поставил возле кровати эспрессо. Я даже сказала спасибо. На полке над столом журналы «Звезда» лежали в два ряда; за ними оставался зазор. Я дотянулась до стены, задела пыльную обложку и вытащила блокнот. На корешке липло старое вино. Теперь хоть понятно, почему он не хотел, чтобы я здесь убирала.

На странице с датой нашей прошлой годовщины я искала хоть что-нибудь, за что можно ухватиться. «Аня». «Подарок». «Забронировать стол». Вместо этого — структура романа Елены. Моё поведение он обозначил как «клише», а чувства счел «недостаточно сложными для читателя». Я перечитала знакомый редакторский оборот. Такую пометку сама когда-то предлагала автору заменить на конкретный вопрос. Он взял мои рабочие слова, чтобы вычеркнуть меня. Я перевернула страницу, прижимая её костяшками, чтобы не порвать.

В дверях возникла Лиза. Дочь смотрела на меня с презрением, защищая отца, которого знала по быту.

— Ты истеричка? Лезешь в его личное пространство? — бросила она агрессивно.

Я не стала спорить. Просто протянула блокнот и ткнула пальцем в строчку: «Лиза слишком громко смеется, это раздражает героев, нужно приглушить». Лицо дочери побледнело. Естественность оказалась проблемой для чужого «творческого процесса».

Листая дальше, я наткнулась на дату нашей поездки в Сочи. Виктор говорил, что пишет диссертацию по Набокову. В дневнике же детально расписан сексуальный подтекст встреч с Еленой в том же отеле: время, номер комнаты, даже запах её духов. Логика взбунтовалась: «Как он мог быть рядом со мной и одновременно планировать это?» Я сравнила почерк и чернила. Они были идентичны остальным записям. Реальность трещала по швам: он играл роль идеального мужа, пока готовил почву для ухода.

Телефон завибрировал. Виктор. Его голос звучал тепло, заботливо, абсолютно нормально. Он спрашивал, где я, напоминая про ужин в честь годовщины. Контраст между этой теплотой и строками о «скучной музейной экспонатке» вызвал тошноту.

— Я занята. Ужин отменяется, — сказала я ровным, чужим голосом и сбросила вызов до того, как он успел возмутиться.

Я вернулась к тексту. Бумага рвалась под пальцами, чернила расплывались от влаги моих слез. На нижнем краю страницы остался влажный след моего большого пальца. Мне нужна была финальная точка, но текст обрывался на середине предложения о разделе имущества, которое Виктор уже начал планировать юридически. В ящике стола нашелся скотч. Подклеив надрыв, я прижала страницу ладонью и дождалась, пока смогу держать телефон ровно. Каждую страницу я фотографировала на телефон. Теперь дневник стал уликой.

В самом конце блока, среди заметок о сюжете, я нашла приписку мелким шрифтом, сделанную явно позже основного текста: «Елена права. Анна никогда не поймет глубины. Она просто удобна. Как мебель. Но мебель тоже стоит денег, если продать правильно».

Я вытерла щеки рукавом, и сухая соль стянула кожу. «Мебель тоже стоит денег». Какой точный у него вдруг интерес к мебели — обычно цену дивана Виктор узнавал только после

доставки. Деньги придется искать отдельно: из этой страницы не узнаешь, куда они ушли. Под фотографиями я дописала «проверить переводы», поставила вопросительный знак и обвела его. Всё, чего пока не знаю, оставлю вопросом. Догадки ему дарить не собираюсь.

Я закрыла блокнот и положила на стол, обложкой вверх. Тонкий, а пальцы от долгого чтения болели, будто держала кирпич. Виктор сказал, что будет через двадцать минут. Обычно он входил, целовал меня в макушку и спрашивал про день, уже глядя мимо — на свою почту, на книжную полку. Сегодня я не начну пересказывать ему этот день. Сначала проверю, что фотографии сохранились. Улыбка, если он её потребует, обойдётся ему дорого.

Глава 4

Руки дрожали, когда я листала цифровой черновик Елены в общей рабочей папке на планшете Виктора. Это была моя жизнь, вывернутая наизнанку и разложенная по полочкам чужого эго. Героиня романа, «музейная экспонатка», как называл её Виктор в своих заметках, имела те же привычки, что и я: она заправляла простыни так, чтобы углы были идеально прямыми, пила чай только из белой фарфоровой кружки с отколотым ушком и молчала, когда ей было больно. Но в книге эта тишина подавалась как глупость, а педантичность — как невроз.

Я сглотнула и снова открыла страницу с датой. «12 марта. Аня снова не поняла шутку про Кафку». В книге героиня смеялась над тем же анекдотом невпопад. Я помнила, почему тогда засмеялась: за столом было так неловко, что хотелось хоть чем-то прервать его объяснение. Теперь это мое спасительное «ха» изображало глупость. Сопоставила две строчки на экране. Похожи не вообще — совпадают обстоятельства, слова, число. Для Виктора я всё ещё могла назвать это совпадением. Для себя уже нет.

Звонок в дверь прозвучал как выстрел.

Я подошла к домофону с холодным сердцем. Курьер оставил большую коробку с логотипом их книжного клуба. Открыть? Или выбросить прямо в мусор? Внутри лежал новый бестселлер Елены. Она присылала мне экземпляр с автографом: «Анне, которая научила меня видеть красоту в обыденности». Сарказм был таким тонким, что его можно было заметить только под увеличительным стеклом ненависти. Я чувствовала вкус пепла во рту. Мне предлагали купить историю собственного унижения. Я поставила раскрытую коробку в угол кабинета, вернув книгу внутрь. Не сейчас. Сейчас важнее доказательства.

Дверь распахнулась без стука. Лиза стояла на пороге, сжимая в руках телефон отца. Ей было шестнадцать, возраст, когда правда режет сильнее всего.

— Мама, почему папа опять работает с Еленой? Он сказал, что это срочный проект, но я видела переписку. Там смайлики. Сердечки.

Её голос дрожал, но глаза были сухими. Она искала защиты, но не знала, где её искать. Инстинкт кричал мне: «Солги! Скажи, что это работа, ничего больше». Но я посмотрела на дочь и увидела в ней себя десятилетней давности — ту, которая верила, что любовь делает людей слепыми.

— Сядь, — сказала я тихо.

Я повернула планшет к ней. На экране была страница рукописи, где описывался наш семейный ужин семь лет назад. Та сцена, где мы ели борщ и молчали, потому что я ждала ребенка, а Виктор читал вслух рецензию. В книге этот момент описан как «мертвая тишина скучных людей, душащих друг друга бытом».

Лиза побледнела. Она медленно провела пальцем по строчке, где героиня (я) описывается как «женщина-призрак, существующая лишь для обслуживания мужского эго».

— Он... он так написал про нас? Про тебя?

Впервые я увидела в глазах дочери не подростковую дерзость, а звериный ужас. И презрение. Презрение к тому, кто мог предать тех, кого любит, ради аплодисментов толпы.

— Да, — ответила я. — Он считает, что ты слишком умна для него, а я слишком проста. Мы обе — материал.

Грохот шагов в коридоре оборвал нашу тихую войну. Виктор вернулся раньше обычного. Он всегда возвращался именно тогда, когда нужно было показать силу или скрыть правду. Свет в кабинете его удивил, но страх мелькнул в его глазах лишь на секунду, сменившись раздражением.

— Ты опять тут рылась? — его голос был резким, как битое стекло. — Анна, это нарушение авторских прав. Елена может подать на тебя в суд за доступ к конфиденциальным материалам. У тебя паранойя, ты понимаешь?

Он шагнул ко мне, протягивая руку к планшету. Его жест был собственническим, грубым. Он не хотел забрать устройство — он хотел вернуть контроль над ситуацией, над мной.

— Отдай, — приказал он.

Я не отдала. Вместо этого я подняла планшет выше, используя его вес как щит. Мой взгляд упирался в его, и я видела, как он пытается прочитать в моих глазах истерику, которую ожидал увидеть. Но там было только ледяное спокойствие.

— Это не литература, Витя, — произнесла я четко, артикулируя каждое слово. — Это плагиат твоей жены. Твоей жизни. Твоего брака.

Он замер. Губы приоткрылись, но звук не вышел. Он увидел в моих глазах не жену, которая боится потерять мужа, а редактора, который нашел ошибку в тексте и готов исправить её навсегда. Эта метаморфоза его напугала. Он попятился, пробормотав что-то о бессмысленных обвинениях, и вышел в гостиную, хлопнув дверью так, что со стен посыпалась пыль.

Ночь стала испытанием на прочность. Я лежала в кровати, глядя в потолок, пока Виктор возился в гостиной. Тишина дома давила на уши. И вдруг я услышала его голос. Приглушенный, интимный, исходящий из-за стены. Он говорил по телефону.

— ...Она никогда не поймет, что такое настоящий талант, Лена. Она видит буквы, но не смысл. Мы будем смеяться над ней вместе. Когда книга выйдет, она станет частью сюжета, но никто не узнает, что прототип — моя собственная жена. Это будет шедевр цинизма.

Его голос звучал мягко, почти нежно. Так он не говорил со мной уже лет пять. Боль ударила в грудь, но не как нож, а как игла. Острая, точная, освобождающая. Я не встала. Не пошла к двери. Я просто слушала, как мой муж продает мою душу за место в титрах чужой славы. Страх исчез. Осталась пустота. Идеально ровная, удобная поверхность для работы.

Утро встретило меня серым светом Петербурга. Я вышла на кухню, чтобы сделать кофе, и увидела переполненное ведро. Виктор, будучи человеком хаотичным, никогда не сортировал мусор. Но сегодня среди оберток от энергетиков и использованных салфеток лежал скомканный лист бумаги.

Мое профессиональное чутье подсказало: это важно. Я развернула бумагу. Чернила слегка расплылись, но почерк Виктора был узнаваем. Это был черновик письма генеральному директору издательства «Северный ветер».

«Уважаемый Сергей Валентинович,

В связи с предстоящим запуском нового импринта "Женский голос", предлагаю свою кандидатуру на пост главного редактора. В обмен гарантирую полную информационную поддержку проекта Елены Волковой и нейтрализацию любых потенциальных претензий со стороны семьи (в частности, моей супруги, Анны Верещагиной). Готов работать в условиях полной конфиденциальности...

С уважением, Виктор.»

Я перечитала письмо от обращения до подписи. Пост главного редактора. Поддержка Елены. Отдельно, в скобках, моя фамилия — как проблема, которую он берётся устранить. В таких письмах я обычно находила лишние слова. Здесь лишней была я. Присела на кухонный стул, положила лист на сухое место стола и сфотографировала целиком, вместе со стигами. Ни один абзац нельзя потерять. Особенно тот, где он предлагает меня в обмен на должность.

Я посмотрела на спящего в соседней комнате мужа. Его лицо было расслабленным, спокойным, как у человека, который уверен, что ему все дозволено. Он думал, что выиграл время. Что я запуталась в своих эмоциях. Что его план идеален.

Он ошибался.

Я достала телефон. Экран подсветил комнату мертвенным бледным светом. Набрала номер Дмитрия. Он ответил на второй гудок.

— Аллю, Анна?

— У меня есть то, что нужно, — сказала я. Мой голос звучал чужим, твердым, лишенным той теплоты, которая когда-то делала меня уязвимой. — Но теперь мне нужно знать, сколько стоит его падение. Все. До последнего рубля и до последней строки в контракте.

— Жди инструкций, — ответил Дмитрий. — Нейтральная территория. Завтра.

— Хорошо, — я повесила трубку.

За окном начался дождь. Капли барабанили по стеклу, создавая ритм, похожий на стук клавиш пишущей машинки. Я открыла ноутбук и начала составлять список документов, которые нам понадобятся. Каждый пункт был шагом к выходу из этой тюрьмы. Я больше не жертва. Я не музейная экспонатка. Я редактор своего собственного финала. И я собиралась издать его ограниченным тиражом, но с максимальным эффектом.

Глава 5

Кофе остыл. На поверхности темной жидкости плавала жирная пленка, и я смотрела на неё, сдерживая желание вылить всё в раковину. Телефон вибрировал в левом кармане халата — короткий, сухой толчок. «Где мои документы по подкасту?». Виктор не спрашивал. Он требовал. Его сообщения всегда были императивами, даже когда оканчивались вопросительным знаком.

Блокнот лежал в ящике под счетами. Я вытащила его вместе с засохшей ручкой: та зацепилась колпачком за резинку. Уже читала, уже фотографировала — а всё равно медлила, прежде чем открыть. Как будто новая попытка даст другой текст. Я могла бы сейчас заняться кофе, ответить про подкаст, заправить кровать. Удобных дел полно. Ни одно не изменит страницу, на которой он выбрал себе жизнь без нас. Ручку я отложила. Открыла обложку обеими руками.

Я открыла страницу. Пятнадцатое ноября. День нашей годовщины — он уже назначил на него финал.

И текст.

Виктор писал о нас. Точнее, он писал о ней. О Елене. И о том, как они вместе выбирают мебель для их новой квартиры.

«Лена любит светлое дерево, но я настаиваю на дубе. Она уступила. Идеальная гармония через мягкий контроль».

Я перечитала строку дважды. Трижды. Мозг отказывался принимать реальность. Вчера вечером, стоя посреди нашей общей спальни, он критиковал мой вкус. «Анна, этот бежевый оттенок убивает всю глубину пространства. Ты живешь в скучном музее, где нет места для страсти». Он говорил это с такой интонацией, будто жалел меня. Будто я была слепой. А теперь я видела, как он пишет о «идеальной тишине без детского плача».

«Без детского плача». Лиза плакала, когда он не пришёл на концерт. Тим плакал над сломанным роботом. Виктор просто уходил из комнаты: Аня, разберись, я работаю. Я разбиралась. Теперь выяснилось, что и это было помехой. Перечитала «идеальную тишину» и поймала себя на том, что прислушиваюсь к детям. Из комнаты донёсся шорох. Они здесь, живые, и я не хочу его идеальной квартиры, даже если в ней весь дуб мира.

Звонок в дверь разрезал тишину кухни. Резкий, настойчивый.

Я вздрогнула. В груди все сжалось. Курьер. Заказ Виктора. Книга по маркетингу личных брендов, которую он заказал три дня назад, чтобы «разобраться в позиционировании нашего подкаста». Сейчас я должна была решить: спрятаться или выйти. Открыть дверь с этим блокнотом в руках — значит показать врагу, что ты уже мертва внутри. Но сделать вид, что дома никого нет, означало признать поражение. Признать, что я боюсь его тени.

Сунула блокнот в широкий карман халата. Он оттянул пояс; пришлось подтянуть узел. Телефон переложила в другой карман и вытерла щеки: курьеру незачем знать, что мне сейчас трудно даже дверь открыть. У порога задержалась, глядя на собственные тапочки. Один носок отогнулся. Исправила ногой — на руки уже не хотелось смотреть.

Улыбнуться курьеру я собиралась, даже если не сумею больше ничего. Обычная доставка, обычное утро. Это я внутри застряла на одной строчке.

Открыла дверь.

— Подпишите здесь, — буркнул курьер, не глядя на меня.

— Спасибо, — сказала я ровным голосом. Голос звучал чужим. Слишком спокойным. Слишком мертвым.

Закрыла дверь. Прислонилась спиной к прохладной стене прихожей. Сердце колотилось где-то в висках. Но я не заплакала. Внутри стало пусто. Абсолютно, кристально чисто. Как

после сильной грозы, когда воздух становится прозрачным до боли в глазах. Мне больше нечего терять. Это освобождает страшнее любой тюрьмы.

Ключ повернулся в замке. Виктор вернулся раньше обычного.

Он вошел в кухню, бросив сумку на стол. От него пахло... не потом и дорогой одеждой, как обычно. Пахло лавандой и сандалом. Нишевый парфюм Елены. Тот самый, который я однажды случайно понюхала на ее запястье на презентации и который вызвал у меня мгновенную мигрень. Теперь этот запах вьелся в воротник его рубашки. Вьелся в ткань костюма. Он нес эту смесь на себе, как трофей.

— У нас тут какая-то атмосфера, Анна, — начал он, не снимая пальто. Он сел за стол, положив ноги одну на другую. Жест хозяина. Хозяина дома, который чувствует себя королем в своем дворце. — Токсичная. Дети носятся, ты ходишь как в воду опущенная. Я пытаюсь создать продукт, а ты разрушаешь контекст своим нытьем.

Он ждал, что я объясню атмосферу, детей, своё лицо. Все три претензии я обычно принимала сразу, ещё до того как он заканчивал. На этот раз достала тарелку и положила рис с овощами. Ложка скользнула мимо края, несколько зерен осталось на столе. Я собрала их салфеткой, не поднимая головы. Пускай сам продолжает разговор. Меня он спросил только о настроении — о том, где был и почему пахнет Еленой, спрашивать почему-то должна я.

— Почему ты молчишь? — спросил он, жуя.

— Я слушаю, — ответила я.

И правда слушала. Слушала звук его ложки, скребущей по фарфору. Смотрела на его лицо. В дневнике он описывал себя как «мужчину с глазами хищника, уставшего от добычи». Сейчас я видела эти глаза. Они были красными от недосыпа и алкоголя. Уставшими. Не от работы. От необходимости постоянно притворяться.

Он ел. Я наблюдала. Впервые за годы я видела его не как любимого человека, не как отца своих детей, не как партнера. Я видела его как объект. Как персонажа второго плана в чужом плохом романе. И презрение, которое поднялось во мне, было сладким, как мед. Оно грело живот, заменяя голод.

Из комнаты вышла Лиза. Шестнадцать лет, бунтарка, вечный подростковый максимализм. Она остановилась в дверях кухни, скрестив руки на груди.

— Мама, почему папа такой нервный? — спросила она, не глядя на отца. Только на меня. — Он весь день в телефон смотрит. И орет на тебя из-за какой-то мебели.

Виктор замер с ложкой в воздухе. Его челюсть напряглась. Он ненавидел, когда дети видели его «неудобные» эмоции. Для него существовало только две роли: Харизматичный Ведущий или Обиженный Гений. Роль «Нервного Мужика» была недопустима.

— Он боится, что его новая книга не выйдет вовремя, — сказала я.

Это была полуправда. Говорить о книге было проще, чем о том, с кем он теперь выбирает мебель. Книга не выходила. Но страх Виктора был другого рода. Страх быть разоблаченным.

Лиза фыркнула. Ее взгляд упал на рубашку отца. На воротник. Там, чуть ниже шеи, было маленькое пятно. Синее. Чернильное. Свежее.

— Пап, у тебя чернила на рубашке, — заметила дочь. Голос был резким, как скальпель.

Виктор машинально потянулся к пятну, потер его пальцем. Размазал еще больше.

— Это от ручки Елены, — пробормотал он, пытаясь перевести все в шутку. — Она такая небрежная, эта Лена. Всегда роняет свои заметки.

Но в его голосе не было смеха. Было напряжение. Лиза посмотрела на меня. Потом на отца. В ее глазах читалось сомнение. Образ отца трещал по швам. Пока тихо. Пока незаметно. Но трещины уже шли.

Ночь пришла тяжело. Дом дышал сонным, безопасным ритмом, но для меня это был сон перед казнью. Я лежала в темноте, прислушиваясь к дыханию Виктора рядом. Он лежал тихо, отвернувшись к стене. Человек, уверенный в своей безнаказанности.

Через час я услышала тихий скрип двери ванной. Свет полоской лег на пол коридора. Я не встала. Я лежала неподвижно, чувствуя, как тело превращается в камень.

Шепот. Низкий, бархатный голос. Такой голос у него никогда не был со мной. Со мной он говорил сухо, деловито, иногда снисходительно. А сейчас он мурлыкал.

— ...она даже не подозревает, какой груз я с себя снимаю завтра, — шептал он в трубку. Смех. Короткий, довольный смешок. — Да, финал главы идеален. Героиня уходит тихо. Ключи на столе. Никаких скандалов. Чистая история. Ты будешь в восторге, Лена. Это твой материал.

Груз.

Он называл нашу семью грузом. Наши двадцать лет совместной жизни, рождение детей, наши общие мечты и разочарования — всем этим он называл «грузом», который нужно сбросить, чтобы взлететь.

Инстинкт кричал: ворвись в ванную. Выбей дверь. Кричи. Плачь. Требуй объяснений. Хочешь драму? Я дам тебе драму!

Но я не встала.

Глава 6

Боль прошла. Исчезла, как испарения под горячим ветром. Осталась пустота. Холодная, стерильная, звенящая пустота. Я закрыла глаза. И впервые за долгое время почувствовала не обиду, не унижение, а абсолютное, равнодушное спокойствие. Я слушала его любовь к другой женщине, написанную чернилами в его дневнике, и мне было все равно. Потому что этот человек для меня перестал существовать. Был муж. Стал персонаж. Персонаж, которого я собираюсь вычеркнуть из своего текста.

Утро следующего дня наступило слишком быстро.

Я проснулась от звука шагов. Виктор уже был в гостиной. Он надевал костюм. Темно-синий, идеально сидевший на плечах. Костюм для презентации книги Елены. Костюм победителя.

Он подошел ко мне. Я сидела на краю кровати, еще в пижаме, с растрепанными волосами. Он наклонился и поцеловал меня в макушку.

Ритуал. Механическое движение губ. Никакой нежности. Никакого желания. Просто точка над «і». Знак того, что он «хороший муж», который не забыл попрощаться.

Привычка хотела принять этот жест как знак примирения. Как сигнал: «Мы справимся. Все хорошо».

Но память подсунула мне последнюю запись в дневнике, которую я перечитывала ночью в свете ночника:

«Финал главы "Развод". Героиня уходит тихо, оставляя ключи на столе. Идеальный конец для драмы. Читатель должен жалеть её, но восхищаться силой мужчины, который смог оставить прошлое позади».

Он ждал этого. Он спровоцировал меня. Он создал атмосферу невыносимости, газлайтил, унижал, чтобы я сорвалась. Чтобы я закричала. Чтобы я разбила посуду. Чтобы я выглядела сумасшедшей, истеричной, слабой. А он — жертвой обстоятельств, бедным гением, которого не поняли. Он хотел красивую драму для своей любовницы-писательницы. Он хотел, чтобы мой уход стал сюжетным поворотом в их сценарии.

Я встала. Медленно.

Подошла к тумбочке. Достала связку ключей от машины. Тяжелые, металлические, привычные.

Прошла на кухню. Кофейник еще теплый.

Виктор следил за мной. Он стоял в дверном проеме, ожидая взрыва. Его глаза блестели от предвкушения. Он готовился к репликам. К оправданиям. К финальной битве слов, которую он выиграет.

Я положила ключи на стол. Рядом с кофейником. Звук металла о керамику был громким, отчетливым.

Виктор моргнул. Его уверенность дрогнула. Это не входило в план. Где крик? Где слезы? Где обвинение в том, что он не уделяет внимания?

Я повернулась к нему. Посмотрела прямо в его «хищнические» глаза.

— Я не буду скандалить, Виктор, — сказала я тихо. Мой голос не дрожал. Он был ровным, как строчка в хорошем тексте. — Я просто выйду за дверь.

Пауза. Секунда тишины, в которой было слышно, как тикают часы на стене.

— И ты напишешь об этом красивую главу, правда? — добавила я, позволяя легкой, почти неуловимой усмешке коснуться моих губ. — Про то, как героиня ушла, не сказав ни слова. Про то, как мужчина остался один со своим «грузом». Только вот глава будет называться не «Развод». Она будет называться «Банкротство».

Он открыл рот и не договорил даже первой фразы. Я посмотрела на ключи: лежат, никуда не исчезли. Он тоже на них смотрел. Столько раз хватало одного его вопроса, чтобы я отменила собственные планы; теперь ему пришлось стоять в дверях и ждать, куда я пойду. Я коснулась сумки, проверила ремешок. Не хочу уронить её сейчас, дать ему повод подхватить и сказать: вот видишь, без меня ты не справляешься.

В спальне натянула джинсы и свитер поверх пижамной майки, взяла свою сумку. Не оглядываясь на дом, где прошли лучшие годы моей жизни. Не оглядываясь на мужчину, который был моим мужем, но стал лишь источником материала для чужого успеха.

Вышла в прихожую.

Надев туфли, я достала телефон. На экране горело сообщение от Дмитрия: «Документы готовы?»

Я набрала ответ одним пальцем, не пряча лица: «Все. Начинаем операцию "Чистый лист"».

Дверь за мной закрылась с тяжелым щелчком. Замок сработал автоматически.

На площадке погасла лампа. Я нащупала в сумке свой ключ от квартиры: ключи от его машины остались возле кофейника.

В «Гиперионе» места уже заняли, и я пробиравась в третий ряд, стараясь никого не задеть сумкой. Кто-то шепнул «осторожно», будто это я закрывала проход. Нашла кресло справа, положила пальто на колени. Здесь хорошо видно сцену; значит, и меня хорошо видно оттуда. Я разгладила программку. На обложке имя Елены, внутри имя Виктора — ведущего вечера. Моего нет. Оно появится позже, когда им понадобится смешная скучная жена.

На сцене стоял Виктор. Мой муж. Человек, с которым я делила постель двадцать лет, а последние полгода — лишь общий дом и молчание. Он держал в руках книгу Елены Волковой «Зеркало без отражения». Громкая презентация. Громкое предательство.

— ...главная героиня, Марта, была серой мышью, — голос Виктора лился мягко, как масло по горячей сковороде, заставляя зал замолкать. Он смотрел прямо на меня. Не на аудиторию. На меня. В его глазах плясали чертики триумфа. — Её жизнь была скучным музейным экспонатом. Она не жила, она существовала в тени великого мужчины, ожидая, когда он изволит бросить ей крошку внимания.

Смеялись вежливо, без хохота, и от этого было хуже. Кивнуть, поддержать — вот всё, что требовалось этим людям. Вчера кто-то из них спрашивал меня, когда сдам корректуру, сегодня слушал про «крошку внимания». Я положила программку на колени. Нельзя смять её в комок: тогда ещё и руки будут показывать, как мне здесь. Почти смогла разжать пальцы; ноготь всё-таки продырявил край.

Достала телефон и посмотрела на пустой экран, как будто пришло важное сообщение. Пусть думают, что работаю. Можно задержаться в почте, прокрутить список писем, вернуть лицо в порядок. Так я переживала неудобные рабочие ужины, когда Виктор развлекал стол замечаниями обо мне. Сегодня почта открылась не сразу. Пришлось снова попасть пальцем по значку. На сцене всё ещё говорили про серую мышь.

— А теперь Елена, — Виктор шагнул назад, уступая место автору.

Елена вышла к микрофону и остановилась рядом с Виктором. Рыжие волосы, зеленые глаза, безупречная блузка — я даже сейчас отмечала, как хорошо ей этот цвет. Они почти соприкоснулись плечами. Мне почудилось, что Виктор подался к ней раньше, чем она к нему. Я ненавидела себя за эту ненужную точность наблюдений. Какой миллиметр ближе? Он уже ушел, хоть и стоял на сцене в своем хорошем костюме.

Я подняла голову. Елена смотрела на меня, и я выдержала несколько секунд, хотя хотелось опять спрятаться в телефон. Первой она поправила манжету и посмотрела на модератора. Маленькая победа, смешная на фоне того, что они устроили. Но я взяла и её. Сегодня не обя-

зана отдавать им каждую секунду, каждый взгляд. В сумке лежал блокнот; я нащупала обложку, чтобы помнить, зачем пришла.

Модератор вечера, молодой критик, который всегда льстил Виктору, решил добить меня.

— Анна, вы ведь близки с героями этой книги? Как вы относитесь к тому, что ваш муж так точно описывает вашу семейную динамику? Есть ли доля правды в образе «скучной жены»?

Модератор ждал, держа микрофон протянутым ко мне. Даже в дальнем ряду перестали шуршать программками. Все ждали слез. Ждали истерики. Ждали подтверждения того, что я жертва.

Я взяла микрофон, который мне протянули. Мой голос звучал ровно, даже сухо. Профессионально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.